

УДК 165.62 + 130.121 + 159.954

И. Н. Инишев

**ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И МЕДИАЛЬНОСТЬ:
ВЗАИМОСВЯЗЬ КОГНИТИВНОГО И ИМАГИНАТИВНОГО
В ГУССЕРЛЕВСКИХ «ИДЕЯХ I»***

В статье выдвигается и отстаивается тезис о наличии структурной связи между программным характером большинства опубликованных Гуссерлем работ, прежде всего «Идей I», и игнорируемой им феноменальностью, холистический характер которой имеет приоритет над партикулярными феноменами, согласно базовым принципам самой же трансцендентальной феноменологии. Проблематика феноменальности, как приоритетный феномен феноменологии, понимаемой не в качестве дисциплинарно нейтральной методологии, а в качестве масштабного философского проекта, с необходимостью выводит на передний план феноменологического исследования вопрос о конститутивном характере воображения и образного.

Ключевые слова: интенциональность, феноменальность, когниция, имагинация.

Феноменология как исследование и как программа

Большинство наиболее значимых текстов Гуссерля по феноменологической философии, опубликованных при жизни автора, представляют собой, как известно, программные работы. Речь идет прежде всего о «Кризисе европейских наук и трансцендентальной философии» (1936), «Картезианских медитациях» (1931) и, конечно же, об «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913). Программный характер последней работы обозначен в заглавии («Идеи к...»). Соединенные в заголовке посредством «и» термины следует, по всей видимости, понимать как обозначение двух ипостасей феноменологии: методологической и институциональной. Это сочетание сигнализирует о наступлении нового этапа в истории феноменологии: феноменологическая методология, прежде понимавшаяся как дисциплинарно нейтральная исследовательская стратегия, отныне претендует на статус новой философии, рассматривающей сферу «чистого сознания» в качестве ключевой философской темы.

То обстоятельство, что на протяжении десятилетий гуссерлевская феноменология не утрачивала своего программного характера, примечательно, на наш взгляд, в нескольких отношениях. Во-первых, постоянное возвращение на страницу программы находится в явном противоречии с гуссерлевским пониманием феноменологии как «строгой науки», которое, помимо прочего, включает в себя и идею поступательно прогрессирующего познания. С этой точки зрения «Идеи I» не выполнили своего предназначения. Заложенные ими теоретические осно-

* В статье использованы результаты исследовательского проекта «Исследования визуальной культуры», выполненного в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 г., грант № 13-05-0056.

вания не остались неизменными и, следовательно, не позволили сформировать универсальной науки о «регионе чистого сознания» в институциональной форме трансцендентальной феноменологии. Как научный и социальный институт трансцендентальная феноменология должна была объединить многие поколения исследователей, сосредоточенных на достижении первоначально поставленных целей. Объем феноменологических исследований, как полагал Гуссерль, вполне сопоставим с масштабами предметной области естествознания.

Из этого, во-вторых, проистекает такая важная черта феноменологического проекта Гуссерля, как постоянная «автокоррекция». Она касается и методического, и институционального самосознания феноменологии. Однако прежде всего она затрагивает базовую трактовку феномена. Важно отметить, что эта «автокоррекция» в известном смысле была вынужденной. В противном случае она не была бы столь регулярной и столь существенной, принимая во внимание идею познания как поступательной аккумуляции знания на основании раз и навсегда заложенных принципов. Об этой насильтвенности «автокоррекции» свидетельствует и продолжительность временных отрезков, отделяющих один феноменологический манифест от другого: каждая очередная попытка формулировки фундаментальных феноменологических принципов в конце концов подвергалась ревизии.

Необходимо отметить и специфику «механизма» внесения изменений. Если говорить о мотивах, то они, очевидно, не могут быть институционального свойства. Феноменология во времена Гуссерля представляла собой по преимуществу интеллектуальный проект, почти полностью им контролируемый. Не была феноменология и влиятельным фактором университетской жизни в национальном и тем более международном масштабе. Тем самым ни о какой «революции» в духе Томаса Куна не могло быть и речи. Не могла эта череда существенных, можно даже сказать стратегических, ревизий возникнуть в результате серьезной трансформации феноменологической методологии. Даже если принять во внимание, что со временем феноменологический метод претерпел заметные изменения, выражавшиеся, как правило, в дальнейшей дифференциации методических процедур, неизменной оставалась фундаментальная методологическая роль *рефлексии* и структурно связанный с ней *очевидности*. В итоге — таков один из тезисов этой статьи — в феноменологии с самого начала присутствовали мотивы и элементы, находящиеся вне сферы действия теоретического самосознания и методологических процедур рефлексивной феноменологии, которые тем не менее оказывали на нее определяющее воздействие. Собственно говоря, экспликация этих мотивов и элементов и составила основную задачу и движущее основание развития феноменологии за пределами гуссерлевского проекта. Речь идет о постоянно сохранявшемся и — ввиду избранной Гуссерлем методологической стратегии — непреодолимом «зазоре» между «полем зрения» феноменологической рефлексии и основным предметом феноменологической философии.

Складывается впечатление, будто предпринимавшиеся Гуссерлем «корректуры» представляли собой отчаянные попытки добиться принципиального для феноменологического проекта совпадения «видимого» и «данного». Феномены

феноменологии, вместо того чтобы смиренно дожидаться своей экспликации и скрупулезного описания, демонстрировали в контексте исследований значительную подвижность, реагируя на которую Гуссерль множил и усложнял методические процедуры, вводя все новые типы редукции (например, наряду с трансцендентальной и эйдетической он вводит в «Картезианских медитациях» примордиальную редукцию), а также новые ключевые понятия, заново описывающие базовые структуры (не распознаваемой в качестве таковой) феноменальности, такие как «горизонт», «пассивность», «жизненный мир» и многие другие.

Ряд предпринятых Гуссерлем серьезных корректур, касающихся фундаментального определения феномена, указывают — такова наша гипотеза — на своего рода «двойное зрение», характерное для феноменологической рефлексии, которая, с одной стороны, когнитивна и методична, а с другой — спонтанна и, по сути, имагинативна. Строго говоря, мы можем различить три типа восприятия, присутствующих в феноменологии в различных модусах (от тематичности до имплицитности) и выполняющих различные функции: 1) эмпирическое восприятие, 2) феноменологическая рефлексия и 3) до-рефлексивная имагинация. В соответствии с этими тремя типами восприятия в феноменологии присутствуют и три основных типа содержаний: 1) объекты восприятия осуществляемого в рамках «естественной установки»; 2) «данности специфически-феноменологического сущностного созерцания» и 3) холистический образ, в рамках которого — в результате его дифференциации — складываются те или иные представления о феноменологическом опыте и его структурных элементах; при этом специфически имагинативные истоки и содержания этого представления последовательно выносятся «за скобки». Тем не менее — при наличии трехчленной структуры — только два последних пункта в каждой из этих триад имеют конститутивное значение для гуссерлевского проекта феноменологической философии. Взаимосвязь между ними — основная тема всего нижеследующего.

Прежде чем перейти непосредственно к обсуждению значения и функции имагинации в трансцендентально-феноменологической философии, вернемся ненадолго к теме дизайна и соответственно жанровой специфике программных манифестов гуссерлевской феноменологии. Хотя и косвенно, эта тема имеет отношение к вопросу об особой роли «несистематического», дорефлексивного имагинативного опыта в контексте строго методического философского исследования.

Что касается вопросов жанра, весьма примечательно, что — как ныне известно из истории философии XX в. — наиболее продуктивными оказались как раз программные сочинения Гуссерля. Центральная задача любого программного сочинения — «картографирование» предметного поля (пространства) исследования, в результате которого формируется образ, во многом регламентирующий стратегии исследования и определяющий позицию, которую в этом поле занимает или может занять сам исследователь. Эта имагинативная составляющая, выполняющая фундирующую роль, формируя холистический образ пространства (или образ-пространство феноменологии), представляет собой не эксплицитную цель, а скорее сопутствующий и спонтанный эффект «про-

граммного текста», который тематически, как правило, сфокусирован на вопросах и темах, сконфигурированных внутри и посредством спонтанно возникшего имагинативного целого.

Косвенный признак и одновременно инструмент такого картографирования (производства имагинативного целого) — соответствующая литературная форма: текст первого тома «Идей», состоящий из немногим более 300 страниц, разделен на 153 параграфа, каждый из которых снабжен информативным заголовком. Большинство заголовков параграфов в «Идеях I» не умещаются в одной строке. В итоге занимающее восемь книжных страниц оглавление выполняет особую функцию, организуя вербальное содержание в пространственный, визуальный порядок и тем самым слегка компенсируя недостаток внимания к проблематике взаимосвязи имагинативного и когнитивного в самом тексте «Идей».

Феноменальность: ускользающий предмет феноменологии, имагинация и дескрипция

Чем важна проблематика взаимосвязи имагинативного и когнитивного в контексте феноменологической философии?

Прежде всего, она актуальна ввиду основной темы феноменологии: экспликации первичных условий явленности вообще, или феноменальности. Конечно, это «неканоническая» характеристика предмета феноменологической философии¹. Однако она, на наш взгляд, имеет ключевое значение для понимания идеи феноменологии не как дисциплинарно нейтрального исследовательского метода («Логические исследования»), а как радикального философского проекта («Философия как строгая наука», «Идеи I»). Примечательно и даже симптоматично, что Гуссерль не использует понятие феноменальность (*Phänomenalität*), предпочитая ему такие понятийные пары, как явление/являющееся, данное/способы данности и т. д.

В случае методологической трактовки феноменологии (феноменология как дескриптивный метод, который может быть использован в рамках любой дисциплины) эти понятийные оппозиции вполне могут служить продуктивной и легитимной системой координат, а также отправным пунктом, поскольку задачу феноменологии здесь составляет дескрипция субъективного опыта в любых заданных контекстах и рамках. Но если речь идет о революционном проекте, претендующем на радикальную ревизию традиционных представлений о природе «являющегося», в качестве какового и понимала себя феноменология Гуссерля 1910-х гг., такой понятийный инструментарий нельзя счесть удовлетворительным. Разнообразные феномены и способы их явления, воспринимаемые как подлежащее тематизации целое, не столько «даны» для имманентного

¹ О многом говорит то обстоятельство, что в феноменологии достаточно быстро сформировался терминологический канон. И это при декларированном с самого начала приоритете интуитивной составляющей феноменологии. Сами феноменологические тексты предполагали в качестве стандартного режима их чтения постоянную интуитивную актуализацию и верификацию написанного.

восприятия в рефлексии, сколько воображены как часть общей «картины», или как репрезентируемая в образе «констелляция», в которой их существование и отношение друг к другу образуют единство. Такие базовые структурные компоненты сферы «феноменологического», как интенциональный акт (*intentio*), интендируемый предмет (*intentum*) и интенциональное сознание в целом, с одной стороны, составляют принципиальное условие возможности любого явления (таков, очевидно, базовый тезис Гуссерля), а с другой — сами обнаруживают себя в рамках имагинативного представления некой целостной ситуации, задающей контуры «феноменологического поля» и включающей в себя самосознание любого, сколь угодно радикально мыслящего феноменолога. Этим, как нам кажется, и обозначено ключевое различие между феноменом и феноменальностью.

Сфера феноменологических феноменов — корреляция интенционального переживания (процесса явления) и интенционального предмета (являющегося) — доступна в «имманентной» рефлексии лишь потому, что прежде, до начала исполнения разнообразных актов и рефлексивного наблюдения их, она была сконфигурирована в воображении. В итоге имманентная рефлексивная установка как способ адекватного доступа к интенциональности, по сути, лишь следствие и имплементация того, что было не столько усмотрено, сколько воображено из внешней позиции по отношению к специальному пространству интенционального отношения.

Важный момент: интенциональность, будучи, по замыслу Гуссерля, условием любой здимости, сама становится здимой еще до того, как станет предметом какого-либо анализа, неважно — понятийного или феноменологического. Но как раз условие здимости интенциональности, составляющей предельное условие явленности чего бы то ни было, не становится темой в соответствии с феноменологическим «принципом всех принципов», согласно которому «каждое оригинально дающее созерцание представляет собой источник легитимности познания» и «все, что оригинально нам дается в “интуиции” (так сказать, в своей полноценной действительности), следует попросту воспринимать именно так, как оно дается...» [1, 51]. Трактуя «оригинально дающее созерцание» максимально широко, не ограничивая его каким бы то ни было представлением о предметности и соответствующем ей опыте (а именно это и следует из буквы и духа принципа всех принципов), мы вполне могли бы ожидать его распространения и на саму *идею* интенциональности, на условия ее «данности». Однако для Гуссерля заданное представление о сфере первичного опыта (заданный *образ* интенционального сознания) — это та «данность», благодаря которой только и возникает возможность формулировки и реализации феноменологического «принципа всех принципов». Другими словами, сама «оригинально дающая интуиция» (интенциональность), будучи легитимирующим основанием, «дана» совсем на других условиях. Именно в этом пункте, как нам представляется, обостряется характерная для гуссерлевской феноменологии коллизия между когнитивными и имагинативными аспектами его философского проекта.

Наличие структурной связи между когницией и имагинацией в проекте феноменологической философии — сколь бы имплицитной она ни оставалась в самих текстах Гуссерля — обосновывается идеей дескриптивного познания,

которое, в свою очередь, не может не быть связанным с тем или иным представлением о визуальности, визуальном опыте. Гуссерлевская феноменология с полным на то основанием может быть названа визуальной феноменологией, в то время как, например, герменевтическая феноменология Хайдеггера и Гадамера на передний план выдвигает аудиальный и пространственный опыт². Акцент на визуальной составляющей опыта довольно быстро приводит ее к конфликту с «феноменологическим содержанием»: сопряжение (неизменно партикулярного) созерцания и (холистической) феноменальности вынуждает ставить трудноразрешимый вопрос о соотношении универсального и партикулярного, холистического и дискретного в феноменологическом опыте и феноменологической рефлексии. В итоге рефлексивно-дескриптивный метод, ограниченный рамками идеи очевидности, скроенной по образцу объективирующего восприятия материальной вещи, вступает в конфликт с имагинативным содержанием феноменологического опыта (с тем, что мы зовем феноменальностью), не поддающимся объективации. Этот конфликт во многом следствие гетерогенности визуального аппарата феноменологии, следствие многозначности идеи созерцания, на которую опирается трансцендентальная феноменология.

В «Идеях I», как впрочем и в большинстве работ Гуссерля «философского периода», мы можем обнаружить следующие представления о созерцании и видении, непроясненность отношений между которыми влечет за собой немалые теоретические трудности для гуссерлевского феноменологического проекта:

1. *Интенциональность (взаимосвязь интенции значения и исполнения значения)*. Идея интенциональности, что хорошо известно и вместе с тем примечательно, сформировалась в контексте семиотической/семантической проблематики («Логические исследования»). Интенциональность, по сути, семиотический акт: акт «придания смысла», акт подразумевания. Визуальные содержания (разнообразные формы исполнения значения)³ здесь зависимы и второстепенны. Они ведомы интенцией и, со своей стороны, служат ей лишь (факультативной) опорой. Сам «смысл», который «придается» тому или иному «комплексу ощущений», по всей видимости, должен (заранее) формироваться в какой-то особой среде. Согласно Соссюру, семиотическая концепция которого складывалась в те же годы, что и трансцендентальная феноменология Гуссерля, значение знака больше зависит от его положения в семиотической системе (от отношения к другим знакам) нежели от его «референта», от того, что считается внешним по отношению к семиотической системе. Примечательно, что Хайдеггер, который поначалу находился в горизонте гуссерлевской дескриптивной

² Для герменевтической феноменологии как раз характерно открытое и принципиальное признание феноменальности, которое находит свое выражение прежде всего в осознании принципиальной историчности любого, в том числе и трансцендентального, «субъекта». Феноменальность для нее — необъективируемое пространство опыта («фактичность», в терминологии Хайдеггера), по отношению к которому возможно применение не столько рефлексивно-созерцательной, сколько практико-артикуляционной стратегии.

³ Прилагательное «визуальный» в этом контексте уместно ставить в кавычки, поскольку «исполнение значения» подразумевает крайне широкий спектр визуализации — от схематичного представления в воображении до конкретного восприятия вещи.

стратегии, рассматривает первичные («оригинальные», в терминологии Гуссерля) отношения между вещами как смысловые взаимосвязи, как «значимость». В итоге не партикулярный акт, а холистическая значимость составила базовое условие зримости любых объектов и соответственно предмет феноменологической философии. Видение холистического значимого предполагает не сфокусированное «схватывание» его, а растворение в нем, поскольку оно представляет собой не партикулярный предмет, а континуальный горизонт видения. Видение в этом случае устроено скорее по образцу восприятия визуального образа, нежели по модели восприятия материальных объектов. Только это последнее — ввиду «пропозициональной установки», встроенной в прагматику восприятия вещи, — допускает такое эпистемологически операционализируемое свойство, как рефлексивность.

2. *Рефлексия* понимается Гуссерлем как своего рода созерцание второго уровня, которое, будучи структурным компонентом любого акта сознания, остается индифферентным по отношению к содержательной и прочей специфике воспринимаемого. Эта особенность позволяет рефлексии стать когнитивно (методологически) значимой формой перцепции. Специфически феноменологическую когнитивную значимость рефлексия обретает вследствие ее сопряжения с идеей очевидности. При этом очевидность и рефлексия в концепции Гуссерля комментируют и поясняют друг друга. Рефлексия, ввиду ее интегрированности в акты сознания, предоставляет идею очевидности своего рода онтологический фундамент, или место, в то время как очевидность, со своей стороны, придает рефлексии или по меньшей мере ее феноменологически «очищенным» формам важные когнитивные качества и эпистемологический статус. По мере дрейфа феноменологической методологии в сторону трансцендентально-философского проекта скроенная по модели визуального восприятия очевидность помимо *нормативного* статуса обретает и *конститутивный*: теперь она составляет основание не только принципа познавательного раскрытия («эпохе»), но и принципа конституирования сферы феноменологических феноменов («редукция»). При этом феноменологическая рефлексия продолжает сохранять свою генетическую и структурную связь с имагинацией как холистическим созерцанием.

3. *Имагинация* — это способ созерцания, образующий отправную точку, а также постоянный нетематический фон и предпосылку любой постановки вопроса в рамках феноменологической философии. С одной стороны, как было отмечено выше, любой рефлексивно-дескриптивный анализ интенциональных взаимосвязей начинается с «инициации акта» воображения самой интенциональности и характерной для нее пространственной среды. Будучи основанием любого явления, интенциональность прежде должна сама стать феноменом. Тем самым феноменология опирается на условия явленности, которые ею самой не тематизируются. Это обстоятельство едва ли совместимо с идеей феноменологии как радикального философского исследования. Феноменология Гуссерля спрашивает о феноменах, но не о феноменальности, которая тем не менее, присутствуя в феноменологической философии в качестве нетематического фона, задает перспективу и направление для череды самокоррекций, предпры-

нимаемых рефлексивной феноменологией на протяжении ее истории. Вышеупомянутый программный характер большинства гуссерлевских публикаций выступает симптомом этой фоновой имагинации, для которой жанр теоретической программы (как целостный набросок, образ, эскиз) оказывается одновременно и наиболее адекватным способом ее презентации.

К числу ключевых черт имагинативной составляющей «феноменологического созерцания» относится и ее индифферентность по отношению к базовой феноменологической дистинкции: различию между предметом и актом. Имагинативное представление феноменологического опыта как структурного целого, естественно, не позволяет различать между опытом и предметом как конституирующими и конституируемым. Акт созерцания и субъект переживаний оказываются в этом случае несамостоятельными элементами воображенного целого, они располагаются в одной плоскости. Иными словами, акт воображения оказывается конститутивным и для самого трансцендентального «Эго». Роль конституирующего здесь играет воображенное целое, но не воображающее сознание, т. е. медиум, а не интенциональность.

Конститутивный акт интенционального сознания представляет собой (по определению) своего рода опережающее созерцание, но оно же и опаздывающее, если принять во внимание охарактеризованную выше комплексность «феноменологического созерцания» и его генетическую и структурную связь с имагинацией.

Имагинация, когниция и феноменология образа

Коль скоро такие выражения, как «образ (имаго)» и «имагинация», используются в наших рассуждениях не метафорически, а скорее в смысле, слишком буквальному, имагинация — сколь бы идея буквальности «имагинативного» ни казалась чем-то противоречивым — должна иметь и более тривиальные, зримые воплощения. В противном случае использование термина, да и сама идея имагинативной составляющей трансцендентальной феноменологии лишаются всякой эвристической значимости.

Примечательно в нашем контексте то обстоятельство, что проблематика образа в феноменологии Гуссерля не играла существенной роли (что заметно контрастирует со значением проблематики образа в альтернативных — и прежде всего герменевтической — версиях феноменологии). Гуссерль, при всей масштабности и радикальности его философского проекта, не предоставил убедительного анализа феномена визуального образа. Первая попытка анализа образа была опубликована в первом томе «Идей». Однако эту попытку нельзя признать удачной. И эта неудача, на наш взгляд, симптоматична. Она делает явными некоторые нерефлексируемые предпосылки, которые для феноменологии Гуссерля оказались сколь конститутивными, столь и фатальными.

Схематичный набросок своей теории образа Гуссерль дает в конце параграфа 111 первого тома «Идей». Собственно, речь идет лишь о наброске самой приблизительной предметной структуры визуального образа и ее интерпретации в контексте проблематики ноэтико-ноэматической корреляции. Примером

визуального образа у Гуссерля выступает гравюра Альбрехта Дюрера «Всадник, дьявол и смерть» (1515).

Гуссерль различает две (взаимосвязанные) перцептивные установки по отношению к объекту, выполняющему функцию «репрезентации в образе»: с одной стороны, «нормальное восприятие», коррелят которого — образ как физический объект, вещь среди прочих вещей, с другой стороны, «перцептивное сознание, в рамках которого нам являются в черных линиях бесцветные фигурки: “всадник на лошади”, “смерть” и “дьявол”» [1, 252]. При этом «в эстетическом рассмотрении мы обращены не к ним как к объектам; мы обращены к представленным «в образе», а вернее к «отображенными» реалиям: всаднику из плоти и крови и т. д.» [Там же].

Очевидно, что гуссерлевское описание следует скорее сложившимся социальным конвенциям, нежели «феноменологическим данным», или, точнее, социальному и когнитивному *эффекту* самого образа, а не результатам феноменологической дескрипции процесса его восприятия. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что Гуссерль игнорирует фактор, да и сам феномен иконической *плоскости*. Элементы изображения («являющиеся в черных линиях бесцветные фигурки») представляют собой для него лишь отправной пункт для соответствующих «ноэтико-ноэматических» синтезов. В итоге «всадник из плоти и крови» и другие персонажи картины перемещается в сферу эстетической фантазии, представляющую собой один из видов ноэтико-ноэматической корреляции. Симптоматично, что Гуссерль не описывает изображенное, т. е. изобразительное пространство в целом, а с самого начала нацелен на простое перечисление «объектов». Для Гуссерля — в силу базовых предпосылок его философии, а также философской традиции, к которой она принадлежит, — вертикальное измерение опыта (измерение, простирающееся от познающего субъекта к миру) имеет несомненный приоритет над горизонтальным измерением (измерением самого мира), которое находит свое воплощение и одновременно иллюстрацию в таких феноменах, как, например, пространство, атмосфера, плоскость, медиум.

Описываемое вне предпосылок рефлексивной феноменологии, восприятие упомянутой гравюры Дюрера представляет собой не многоступенчатый процесс синтеза различных ноэтических актов и коррелятивных им ноэматических содержаний, а скорее своего рода дисперсное состояние скольжения («сканирования», как сказал бы Вилем Флюссер) по внутренним взаимосвязям самой изобразительной плоскости. Каждый поддающийся идентификации элемент гравюры отсылает к другим ее элементам (и не только к «фигуративным») и со-подразумевает их, пусть даже эти элементы и не «схватываются» в данный момент тематически. Восприятие, или разнородленное «сканирование», динамично, оно движется, погружаясь в изображение как в содержательном, так и в пространственном, материальном смысле. Причем характерная особенность образа — единство двух этих аспектов: пространственного и смыслового. Другими словами, глубина картины, в каком бы смысле о ней ни шла речь, это глубина самой иконической плоскости. Специфическое пространство, или медиум изображения, а не идентифицирующая и синтезирующая активность со-

знания, оказывается здесь основным «конститутивным фактором». Соответственно специфически «образная» когниция представляет собой своего рода спонтанный эффект имагинации как способа перевода «сознания» из одного режима в другой: из режима идентифицирующего объекты и обстоятельства акта, или интенциональности, в режим (ре)артикуляции не поддающегося объективации целого, или медиальности.

Для феноменологии Гуссерля, как нам кажется, характерно медленное и последовательное движение в сторону горизонтального измерения, в сторону идеи *артикуляции*, а не *конституции*. На это недвусмысленно указывает программный (имагинативный) характер большинства работ Гуссерля, опубликованных прижизненно. Однако он же указывает и на «насильственность» этой «горизонтализации». Но, как бы то ни было, без предложенного Гуссерлем — прежде всего в «Идеях I» — дифференцированного представления о формах предметности, их структуре и многообразии типов перцептивного опыта многое из того, что мы привыкли считать наиболее продуктивным и важным в современных философских исследованиях, было бы невозможным.

1. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch : Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie 1. Halbband : Text der 1–3. Auflage – Nachdruck. Den Haag : Martinus Nijhoff, 1977.

Рукопись поступила в редакцию 4 февраля 2013 г.

УДК 101.1 + 111 + 165.62 + 159.955 + 161.2

О. М. Мухутдинов

ОЧЕВИДНОСТЬ И ЭЙДЕТИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ В «ИДЕЯХ I» Э. ГУССЕРЛЯ

В статье рассматривается проблема очевидности в феноменологии Э. Гуссерля. Очевидность познания в эмпирических науках зависит от степени ясности и отчетливости эйдетьеского познания в рамках соответствующих региональных онтологий. Исследование принципов построения региональных онтологий позволяет прояснить вопрос о происхождении основных региональных категорий. Проблема очевидности связывается таким образом с теорией суждения, основанной на идее материального *a priori*.

Ключевые слова: феноменология, теория суждения, очевидность, необходимость, формальная онтология, региональная онтология.

Завершая обсуждение принципиальных методологических вопросов, Хайдеггер написал во вводной части «Бытия и времени»: «Разъяснение предварительного понятия феноменологии показывает, что существенное в ней заключается

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>